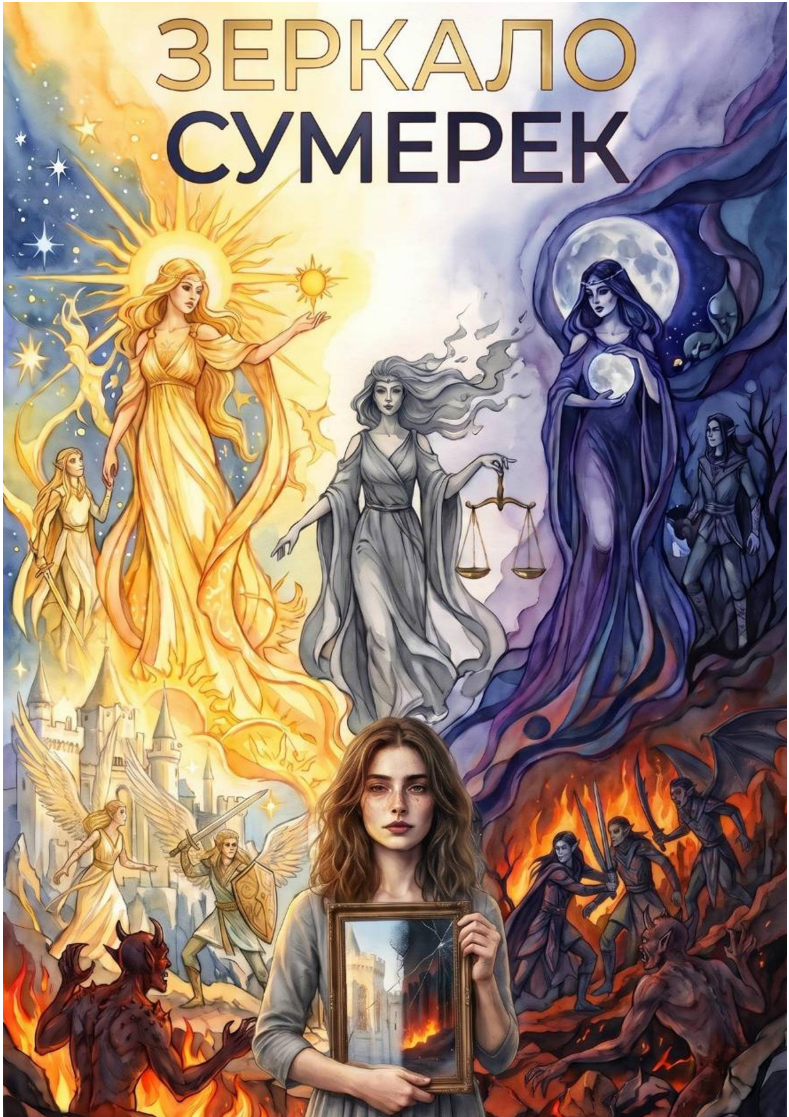

ЗЕРКАЛО
СУМЕРЕК

Селена Мор
Зеркало сумерек

https://litres.ru/74741363
SelfPub; 2026

Аннотация

Три богини создали этот мир: Аврора дала ему Свет, Ноктис — Тень, а Эла — хрупкий Баланс. Но эльфы забыли их заветы. Когда-то давно демоны из Нижнего мира обманом заставили сумеречных лордов развязать войну, и мир едва не рухнул. Светлые и тёмные объединились, чтобы выжить, а правду о той войне стёрли из книг. Теперь сумеречные — лишь полукровки, позор рода, лишённые права на трон.

«Я устала считать чужие жизни. Свою я, кажется, пропустила».

Она написала этот пост в три часа ночи и умерла. А проснулась в чужом мире, где у неё нет магии, нет союзников и нет ничего, кроме старого зеркала.

И двух мужчин, которые не должны были её заметить: тёмного принца с холодными глазами и светлого целителя с усталой улыбкой. Один ищет правду, второй скрывает её.

Но сначала она расскажет свою историю. Всем. Через зеркало. По строчке. По посту. По правде.

Потому что когда у тебя нет короны, когтей и армии — у тебя есть только голос. И иногда этого достаточно, чтобы перестать быть никем.

Содержание

Пролог 4
Глава первая. Чужая комната. 8
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Селена Мор
Зеркало сумерек

Пролог

Я умерла, когда писала пост.

Не героически. Не в пожаре и не от рук преступника. Я сидела на кухне в три часа ночи, пила остывший чай и набирала текст, который казался мне важным:

«Я устала считать чужие жизни. Свою я, кажется, пропустила».

Со стороны — типичный пост «я не такая, как все», скопированный из браузерного цитатника. Красивая фраза, за которой ничего нет. Такие посты лайкают, чтобы показать, что ты «глубокий», и пролистывают, чтобы не думать.

Но за ним было десять лет.

Десять лет я работала бухгалтером. Считала чужие деньги. Чужие расходы. Чужие прибыли. Чужие ошибки. Я знала, сколько стоит чья-то квартира, чья-то машина, чья-то свадьба. Я знала, сколько люди тратят на любовь — и сколько на то, чтобы казаться счастливыми. Я видела их жизни в цифрах. И в этих цифрах не было меня.

Мне было тридцать четыре. Я весила сто два килограмма. У меня была кошка, которая спала на моём ноутбуке, и как-

тус, который я забывала поливать. У меня была работа, которую я ненавидела, но не могла бросить, потому что нужно было платить за квартиру. У меня были мечты — похудеть, встретить кого-то, начать жить, — но они лежали в папке «когда-нибудь», вместе с рецептами из интернета и ссылками на фитнес-курсы, которые я так и не купила.

Я была не толстой. Я была уставшей. Это разные вещи. Но со стороны казалось, что я просто ленивая. Что я просто не хочу. Что я просто сдалась.

Я не сдалась. Я работала. Каждый день. С девяти до восьми. С перерывом на обед, который я ела за компьютером, потому что не могла позволить себе уйти из офиса. Я считала. Я сводила. Я проверяла. Я находила ошибки, которые никто не хотел находить. Я была хорошим бухгалтером. Ответственным. Надёжным. Тем, кому можно доверить чужие деньги.

А свою жизнь я доверить никому не могла. Потому что её у меня не было. Была только работа. И пост в три часа ночи. И чашка с остывшим чаем.

Я знала, как это работает. Люди смотрят на тебя и видят не человека, а категорию: «толстая», «уставшая», «неинтересная». Они не спрашивают, почему ты устала. Они не спрашивают, что у тебя случилось. Они просто решают, что ты — не то, что они ищут. И проходят мимо.

Ладно, что то я зафилософствовала слишком...Поныть люблю, но в подушку и темной ночкой, чтобы никто не видел

и не слышал. А я щас своими упаднническими настроениями такой пост накатаю, что у любого читающего прольется скупая слеза жалости.

Усмехнувшись, я щелкнула курсором мышки на кнопку «опубликовать» — и мир выключился.

Без боли. Без света в конце тоннеля. Просто — щелчок. Как будто кто-то выдернул шнур из розетки. И тишина. Такая полная, что в ней не было даже эха.

А потом я открыла глаза.

Каменный потолок. Холод. Пыль.

Я лежала на полу. Каменном, ледяном. Щека была мокрая — то ли от слёз, то ли от сырости, то ли от чего-то ещё. Я не помнила, как оказалась здесь. Помнила только кухню. Экран. Пост. Кнопку.

И первое, что я почувствовала — не страх, а недоумение.

Это не моя кухня. Меня окружало, пыльное помещение с маленьким круглым витражным окном и повидавшей жизнь скудной мебелью.

Я села. Медленно, потому что тело слушалось плохо, будто чужое. Перевела взгляд на руки и внутренне содрогнулась, узел тревоги завязался внутри и не отпускал.

Маленькие. Тонкие. С веснушками.

У меня не было веснушек. У меня никогда не было веснушек. И таких тонких красивых рук, с выступающими косточками, мечта анорексички, а не кисти.

Я нервно осмотрелась. Рядом на полу лежало зеркало.

Старое, в потёртой бронзовой оправе, с трещиной в углу — тонкой, как волос, но всё же заметной. Я взяла его — оно было тёплым. Не как предмет, который нагрелся от солнца. А как рука, которую кто-то держит.

В зеркале на меня смотрела девушка.

Около двадцати четырёх лет. Карие глаза. Каштановые волосы до плеч, спутанные, с колтунами на концах. Веснушки — рассыпаны по носу и щекам, будто кто-то специально рисовал их маленькой кистью, старательно, но без симметрии. Бледная — той бледностью, которая бывает не от природы, а от того, что человек давно не видел солнца. Уставшая. Красивая — но красивая той красотой, которую никто не замечает, потому что она прячется в тени.

Я не знала её.

И я была ею.

Глава первая. Чужая комната.

Комната, в которой я оказалась, была откровенно жалкой. Нет, я вовсе не избалованная аристократка — всю жизнь скиталась по съемным хрущевкам и сталинкам, но в уюте понимала толк. В своей маленькой квартирке я с любовью вила гнездо, откладывая каждую копеечку на достойный ремонт. А здесь было похоже на заброшенный чердак, где из милости соорудили нехитрый ночлег для непривередливых воинов или закуток для самой дешевой рабочей силы. Не «уютно» и не «скромно» — просто убого. Узкая кровать под серым шерстяным одеялом, стол у окна, шкаф с облупившейся краской, сквозь которую проступал более темный, старый слой. Казалось, комната пыталась вспомнить, какой была раньше. Маленькое окно с витражом отбрасывало на каменный пол неровные красно-синие пятна — словно капли крови на снегу.

Я сидела на полу, хотя совершенно не помнила, как там оказалась. Впрочем, как и того, как вообще попала в это место. Я попыталась выудить из памяти хоть что-то из жизни этой девушки — имя, адрес, лицо ее матери — но там была лишь стерильная, выбеленная пустота, будто кто-то аккуратно вырезал кусок воспоминаний ножницами и заклеил дыру белой бумагой. Остались только обрывки: как я печатала пост, как нажимала «опубликовать», и как что-то — или кто-

то — мягко потянул меня за собой. Так берут за руку ребенка, который не сопротивляется, потому что еще не понимает, что его уводят.

Я поднялась, чувствуя, как тело отзывается тупой болью. Мышцы затекли так, будто я просидела на этом холодном полу несколько дней. Колени предательски дрожали. Опираясь о стол, я доковыляла до окна.

За стеклом раскинулся мир, которого я совершенно не знала. Каменные улицы, острые шпили, протыкающие низкое серое небо, люди в длинных плащах, идущие быстро и не глядя по сторонам. Мимо с тихим гулом проносились повозки без лошадей, а само небо напоминало незасохшую акварель, которая вот-вот потечет. Я помнила свою жизнь, свое имя, свою работу и свою кошку. Но я не знала эту девушку, ее прошлое, ее семью, ее грехи. Я будто появилась из ниоткуда, и это «ниоткуда» было холодным и липким, как туман за стеклом.

Люди не появляются из ниоткуда. У них есть прошлое и есть имя. У меня было имя, но оно не принадлежало этому телу — и это пугало гораздо больше, чем сама неизвестность. Я прижала ладонь к холодному стеклу, чувствуя его реальность. Это было единственным доказательством того, что я не сплю.

— Так, — сказала я себе, и голос прозвучал хрипло и незнакомо, будто я давно им не пользовалась. — Либо я сошла с ума, либо оказалась в другом мире. Или и то, и другое.

Я склонялась к третьему варианту, потому что второй пугал своей масштабностью. В конце концов, от сумасшествия на почве сильной жалости к себе еще никто не застрахован — можно ведь просто сидеть в белой комнате с мягкими стенами и наслаждаться фантазиями последней нервной клетки. Никакой работы, а приключений сколько, главное чтоб не грохнули.

Я сдавленно хихикнула над собственными мыслями, но смех застрял в горле, когда дверь внезапно открылась без стука. Не распахнулась — просто тихо и уверенно отворилась, будто за ней стояли и ждали. От легкого сквозняка по коже пробежал холодок.

На пороге появилась женщина. Высокая, облаченная в темно-синее платье с высоким воротом, которое сидело так идеально, что казалось продолжением ее тела. Она была красива той холодной, безжалостной красотой, какой бывает зима. Ее серо-голубые глаза цепко осмотрели меня — лицо, позу, платье, руки, которые я не знала, куда деть. Увиденное явно не доставило ей удовольствия: узкое лицо с высокими скулами скривилось на долю секунды, но я успела это заметить. Может, здесь положено целовать ручку при встрече? Или отвешивать поклон?

Следом за ней вошла ещё одна девушка, наверное служанка с кувшином воды и полотенцем. Молодая, бледная, она смотрела строго в пол, будто он был единственным, что заслуживало ее внимания. Женщина неожиданно улыбнулась

— идеальной, но абсолютно пустой улыбкой, напоминающей витрину дорогого магазина, за которой ничего нет.

— Бедная девочка, — произнесла она. — Ты уже проснулась.

Она приблизилась, чеканя шаг каблуками по камню, словно метроном. Взяла меня за подбородок холодными пальцами, повернула лицо к свету и заглянула в глаза. Долго, изучающе. Я внутренне содрогнулась, но заставила себя не двигаться, застыв, как кролик перед удавом. Не из страха, а из понимания: дернешься — запомнит. А я пока не знала местных правил. Да и вообще, я только очнулась, а она уже засекла мое пробуждение. Камера тут, что ли, стоит, и меня просто разыгрывают? Но от этой женщины веяло чем-то таким, от чего становилось не по себе.

— Ты ничего не помнишь? — спросила она.

Я могла соврать, могла сказать правду, но цепкий, оценивающий взгляд подсказал мне верный ответ. Она спрашивала не для того, чтобы помочь, а для того, чтобы знать.

Да и не знаю как она отреагировала, если бы я выдала ей, что вселилась в тело этой красотки. О наличии или отсутствии инквизиции в этом мире, я пока ещё ничего не знала, а тут и алиби уже имеется без затрат моих дум и сил.

— Ничего, — ответила я. — Кто вы?

Улыбка стала шире, в ней промелькнуло что-то неясное — то ли облегчение, то ли удовольствие. Как у человека, который нашел ключ, но еще не решил, какую дверь им откры-

вать.

— Я твоя тетя, — представилась она. — Леди Мирра Вельмор. А ты — Аэлира. Аэлира Вельмор. Моя бедная, бедная племянница.

Она отпустила мой подбородок, отступила на шаг и медленно оглядела меня с головы до ног, будто оценивая товар.

— Ты, наверное, ничего не понимаешь, — сказала она. — Это нормально. Болезнь забрала твою память. Но я объясню. Я всегда объясняю. — И от этого тона стало как-то по-настоящему угрожающе. Атмосфера стала плотной и тревожной, а она принялась расхаживать по комнате, стуча каблуками, от чего по спине у меня бежал холодок.

— Ты — сумеречная, — произнесла она. — Полукровка. Твоя мать была тёмной, из обедневшего и опозоренного дома Карвен. А твой отец — мой брат. Светлый. Из уважаемого, древнего дома Вельмор, который приглашают на все советы. Именно поэтому мы обязаны соответствовать своему статусу.

Она остановилась у окна, глядя то ли на улицу, то ли на свое отражение в стекле.

— Дети от таких браков не имеют права наследования. Ни там, ни там. Ни в Свете, ни в Тени. Они — как мост, который никто не хочет переходить. Понимаешь?

Я кивнула. Не потому, что поняла, а потому, что хотела, чтобы она продолжала говорить.

— В светлом обществе сумеречные — это позор, — про-

должила она. — Пятно на репутации. Напоминание о том, что мы не так чисты, как хотим казаться. Твой отец совершил ошибку. Он женился по любви. Это было очень... неосмотрительно.

Слово «любовь» она произнесла так, будто это было ругательство, чеканя каждое слово, словно зачитывала рапорт.

— А потом он умер, — сказала она. — И ты осталась. Ребенок, который не должен был родиться. Ребенок, напоминающий всем о тёмной крови в нашем роду. — Она поморщилась, а затем посмотрела на меня с холодным расчетом. — Мы не могли тебя убить. Закон запрещает. Лорд, убивающий родича, теряет дар «видеть истину», а для светлого это хуже смерти. Поэтому ты жива. Но это не значит, что тебя любят. Это значит, что ты — проблема, которую нужно решить. И я — та, кто решает проблемы.

Она подошла вплотную, и я уловила запах ее духов — холодный, цветочный, с горькой ноткой, как у зимних цветов, которые пахнут красиво, но не пахнут жизнью.

— Ты будешь жить здесь, — сказала она. — Тихо. Скромно. Не высовываясь. Я дам тебе крышу, еду и образование. Если будешь послушной. Если нет — я найду способ сделать твою жизнь... интереснее. Не факт, что твой ослабленный организм с почти мёртвыми потоками маны перенесет еще одну болезнь.

Она погладила меня по голове — медленно, сверху вниз. Так гладят собаку, которая должна сидеть смирно. Так гла-

дят вещь, которую собираются продать. Внутри меня все передернулось от отвращения и нахлынувшего чувства безысходности. Этот жест вывел меня из равновесия и заставил лихорадочно обдумывать план побега от этой милой семейки.

В этот момент я осознала две вещи. Первая: она врёт. Вторая: она думает, что я ей верю. А еще я поняла, что уже слышала этот тон. Так говорят, когда хотят, чтобы ты понял: ты — не человек, ты — проблема. В моем мире мне говорили то же самое, просто другими словами. «Толстая», «уставшая», «неинтересная». Там меня судили за тело, здесь — за кровь. Правила разные, но игра та же. Только здесь мне прозрачно намекают, что если я не буду послушной девочкой, я вообще перестану существовать. Ну что ж, повезло попасть в тело бедняжки, которую хочет убить собственная родня. Ничего, я и не через такое проходила — по сравнению с квартальными отчетами в конце года это детский лепет.

— Приведи её в порядок, — бросила леди Мирра, не оборачиваясь к служанке. — Позже к тебе зайдет камеристка и введет в курс дела.

Служанка молча кивнула, аккуратно, словно по линейке, поставила кувшин на стол и положила рядом полотенце. Лишь затем она на секунду подняла глаза, встретилась взглядом с моим и тут же отвела его. В ее взгляде не было ни жалости, ни тепла — только привычка делать то, что велят, и не задавать вопросов.

Леди Мирра вышла, и дверь закрылась с тихим щелчком, от которого я все равно вздрогнула. Служанка подошла ко мне, намочила и отжала полотенце. Движения ее были отработанными и быстрыми: она не спрашивала, удобно ли мне, не смотрела в глаза, просто делала свою работу так, как делают ее годами.

— Руки, — коротко сказала она.

Я протянула руки. Она взяла одну и начала протирать — не грубо, но и не бережно, словно мыла посуду. На костяшках была грязь, видимо, я лежала на полу довольно долго. Она стерла ее медленно, будто стирая не грязь, а что-то другое.

— Здесь так принято — молчать? — спросила я.

Она не ответила, продолжая свое занятие.

— Вы всегда такая молчаливая? — попробовала я снова.

Она подняла глаза на секунду, и в этой секунде было столько всего — усталость, привычка и что-то похожее на жалость, — что я замолчала. Похоже, она не хотела со мной говорить или разговаривать здесь опасно, не понятно.

Закончив с руками, она взяла старый гребень с треснувшей ручкой и начала расчесывать мои волосы резкими, быстрыми движениями. Я поморщилась, когда гребень задел узел.

— Больно, — сказала я.

Она не остановилась, лишь чуть замедлилась, будто сделала одолжение. Она не издевалась — просто моя боль не

имела для нее значения. Я была для нее не человеком, а задачей, которую нужно выполнить до обеда. Заплетя мне волосы в косу, она быстро и привычно осмотрела результат, кивнула скорее себе, чем мне, и отошла.

— Одежда в шкафу, — сказала она.

Я открыла шкаф. Внутри висели два серых, простых платья, будто сшитых для кого-то другого. Скудновато, но выбирать не приходилось. Я натянула то, что показалось чуть теплее. Оно было велико — плечи съезжали, рукава болтались. Взглянув в маленькое зеркало на стене, я не узнала девушку в отражении.

Служанка стояла у двери и ждала.

— Спасибо, — сказала я.

Она посмотрела на меня прямо и долго. В ее глазах промелькнуло такое искреннее удивление, будто никто и никогда не говорил ей «спасибо», и она совершенно не знала, что с этим делать. Ничего не ответив, она просто открыла дверь.

И тут я поняла, что если останусь одна, то сойду с ума. Мне отчаянно нужна была хоть какая-то информация, хоть одно слово.

— Подождите, — сказала я. — Пожалуйста.

Она остановилась, но не обернулась.

— Я не знаю правил, — продолжила я. — Не знаю, когда мне есть, когда вставать, куда можно ходить. Я не знаю ничего. Если я сделаю что-то не так, пострадаю я, а не вы. Но если вы мне хоть что-то расскажете, я, может, не опозорюсь.

И вы не попадете под горячую руку.

Она молчала так долго, что я начала считать удары собственного сердца. Я смотрела на ее узкую, прямую спину в черном платье и ждала. Наконец она заговорила, не оборачиваясь, ровным и сухим голосом, будто читала список покупок:

— Завтрак общий, в большой столовой. Все члены рода собираются, это традиция. Опаздывать нельзя, не прийти — оскорбление. Обед и ужин в покоях: кому-то приносят, кто-то ходит на кухню. Вы из тех, кому приносят. Но сегодня вам принесут только ужин, обед вы уже пропустили.

— Почему? — спросила я.

— Потому что вы проснулись в половине восьмого, — пояснила она. — Завтрак в восемь, обед в полдень, сейчас час дня. Вы пропустили и то, и другое. Ужин в шесть. Но вам, скорее всего, принесут позже. И не то, что вы ждете.

Она помолчала, а затем добавила тише, будто через силу:

— И еще. Не ходите по дому без провожатого. Не заходите в западное крыло, там покои лорда Кассиана. Он не любит... незваных гостей.

Она сказала это так, что я сразу поняла: там не любят вообще никого.

— Спасибо, — повторила я.

Она наконец обернулась, посмотрела на меня долгим, внимательным взглядом, будто решая, стоит ли говорить то, что собиралась.

— Не благодарите, — сказала она. — Просто не шумите. И не задавайте вопросов, когда вас слышат другие.

Дверь за ней закрылась. Я осталась одна — в сером платье, с заплетенной косой, в комнате, которая не была моей. В голове стучала одна мысль: «Не задавайте вопросов, когда вас слышат другие». И что это вообще значит, вопросы здесь опасны, у стен есть уши? Я решительно ничего не понимала, но раз меня предупредили по доброте душевной, буду помалкивать.

Я подошла к двери и положила ладонь на холодное дерево. Надавила. Дверь не была заперта, она тихо открылась без скрипа, явив длинный темный коридор с портретами на стенах и ковровой дорожкой, глушившей шаги. Я могла выйти прямо сейчас — шагнуть за порог и пойти куда глаза глядят. Но слова служанки «не ходите по дому без провожатого» остановили меня.

Я медленно закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Я не знала, сколько у меня времени, кто придет за мной и что будет дальше. Но я знала одно: я не собираюсь сидеть и ждать, пока меня снова сделают вещью. Взглянув на маленькое зеркало, я встретилась взглядом с девушкой, смотрящей на меня с вызовом. Веснушки, карие глаза, каштановые волосы. Чужие. Но уже мои, раз так сложилось, я постараюсь помочь ей, точнее себе и выжить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.